

[А-а-а! Какая наглость! Он что, дрессирует собаку?!] — система была в крайнем возмущении от поведения Лингуана.

Е Линь замер. Слегка качнув головой, словно пытаясь отмахнуться от визга в разуме, он заставил пряди черных волос скользнуть по шее. Немного подумав, он склонился к чужому плечу, почти касаясь губами обнаженной кожи.

Тонкие волоски задели ключицу. Лингуан лишь высокомерно вскинул подбородок, подставляя белоснежную шею, а на губах его застыла презрительная, дразнящая усмешка.

Однако Е Линь не собирался нападать. Он лишь прижался губами к этой изящной лебединой шее, оставляя невесомый, странный поцелуй, а затем приподнялся и выдохнул Лингуану прямо в ухо:

— Гав.

Система ведь буркнула, что тот дрессирует пса. Вот Е Линь послушно и ткнулся носом в ухо, негромко подав голос.

От такого захода опешила даже система, не говоря уже о самом Лингуане.

В глубине его янтарных глаз на миг промелькнуло смятение. Но уже в следующее мгновение божество мертвой хваткой вцепилось в черные пряди Е Линя, грубо отталкивая его от себя. На губах Лингуана заиграла холодная, злая улыбка:

— Пошел вон.

Страхнув с себя наглеца, Лингуан резко развернулся и потянулся к замку.

Но не тут-то было. Жесткие пальцы перехватили его плечо, прижимая лопатками к дверному полотну. Широкая ладонь Е Линя накрыла его руку, не давая нажать на ручку. Пожиратель был на полголовы выше Лингуана — нависнув сверху, он словно окутал его своей тяжелой, душной тенью, загоняя в капкан из собственного тела.

Гордая, прекрасная птица даже не подозревала, что зверь уже наметил жертву и спасения не будет. Сохраняя надменный вид, божество лишь недовольно сощурилось, прожигая нападавшего презрительным взглядом.

С его губ слетел раздраженный вздох:

— Да сколько можно...

Договорить он не успел. Е Линь шагнул вплотную, бесцеремонно вклиниваясь бедром между его ног. Лингуан отчетливо уловил окутывающий его густой аромат сандала.

Склонившись, Е Линь прихватил губами нежную кожу на его шее. Зубы слегка сжались, заставив Лингуана болезненно шикнуть, но Пожиратель не стал прокусывать плоть до крови. Он лишь крепко удерживал добычу в плену своих губ и глухо, почти неразличимо выдохнул:

— С тобой.

«С тобой».

Фразы Е Линя были обрывистыми, но Лингуан прекрасно его понял.

Этот наглец заявлял прямо: либо он идет за Лингуаном, либо Лингуан идет с ним, но в комнату они войдут только вместе.

Тот, перед кем никогда раньше не смели ставить условий, мгновенно закипел от ярости. Лингуан рванулся всем телом, одновременно высвобождая свое божественное сознание — яростный поток ментальной энергии ворвался в разум Е Линя, обращаясь там безжалостным хлыстом, крушащим все на своем пути.

Однако ни удары локтями, ни попытки коленом отбиться от захвата не возымели действия: Е Линь с легкостью блокировал каждый выпад. Перехватив тонкие запястья Лингуана, он грубо прижал их к дверным косякам по обе стороны от его головы, лишая последней возможности защищаться.

Чужая боль словно не существовала для Пожирателя. Пока бушующее сознание Лингуана яростным пламенем выжигало его собственный разум, взгляд черных глаз оставался пугающе безразличным. Е Линь ответил ударом на удар — его ментальные щупальца рванулись навстречу огню, оплетая и сжимая его в удушающих объятиях. Жгучая боль духовной связи отозвалась долгой, изнуряющей судорогой. Теряя контроль от этой вспышки, Е Линь сжал зубы сильнее, прокусывая нежную плоть на шее пленника.

Сладкая, обжигающая кровь хлынула в рот, стекая по горлу.

Лингуан судорожно вздрогнул. Жесткая духовная связь отозвалась в его разуме такой дикой, дурманящей волной удовольствия вперемешку с болью, что у него перехватило дыхание. От затылка до самых кончиков пальцев пробежала дрожь, заставив его пальцы инстинктивно впиться в преграду под ладонью.

Клик.

Дверной замок поддался под случайным нажатием.

Сквозь едва заметную щель приоткрывшейся двери пробился слабый, призрачный изумрудный свет.

Обычно безмолвный и неподвижный фонарь призыва душ теперь яростно пульсировал зеленым пламенем. Теплящийся в нем осколок души Ао Цина, почуяв близость хозяина, заметался в стеклянном плену, заливая комнату ярким сиянием. В полумраке тускло поблескивала поминальная табличка. Казалось, этот холодный кусок дерева прямо сквозь щель наблюдает за их бесстыдными объятиями.

Лингуан замер. Зрачки его испуганно сузились, а сопротивление тут же сошло на нет.

Почувствовав, что добыча наконец подчинилась, Е Линь ослабил хватку и поднял голову — но лишь для того, чтобы получить оглушительную пощечину.

Лингуан вложил в этот удар всю свою божественную силу. Его собственная ладонь заныла и задрожала от ярости, а голова Е Линя дернулась в сторону. Пожиратель замер, не в силах осознать случившееся.

Когда Е Линь медленно повернул лицо обратно, Лингуан уже бессильно сползал по двери, судорожно хватая ртом воздух. Уголки его раскосых глаз покраснели, а во влажном взгляде металось такое отчаяние и злость, что казалось, моргни он — и по щекам покатятся слезы.

Его мелко била дрожь, а тело все еще горело от непривычного, пугающе острого отголоска духовной связи.

В этот миг Лингуан казался одновременно беззащитным и невероятно порочным — словно увядающий, но все еще прекрасный цветок, готовый рассыпаться прахом от одного неосторожного прикосновения.

Е Линь потянулся к нему, повинувшись инстинкту, но стоило тыльной стороне его ладони коснуться чужой щеки, как воздух снова рассек резкий удар.

Отвращение и гнев Лингуана были слишком очевидны. Он резко отвернулся, пряча за густыми ресницами влажный блеск в глазах. Он не желал даже смотреть на своего мучителя.

Эта холодность разожгла в груди Е Линя глухую, удушающую ярость. Бушевавшее в его разуме чужое сознание словно оставило после себя тлеющие угли. Чудовище, никогда не знавшее человеческих чувств, впервые столкнулось с горьким, отравляющим привкусом отвержения. Яркая кровь Лингуана окрасила его губы, но настоящая рана открылась где-то глубже, разрывая саму его суть.

Он не понимал природу этой боли. Поддавшись слепому импульсу, он рванулся вперед, наплевав на отчаянное сопротивление Лингуана, и попытался силой впиться окровавленными

губами в его лицо.

Но все внимание Лингуана было приковано к мерцанию, пробивающемуся сквозь щель.

Ао Цин звался Лазурным Драконом не просто так. Он был первородным драконом, владыкой стихии Дерева, прародителем своего рода. Его сила олицетворяла саму жизнь, весеннее возрождение и сочную, буйную зелень лесов.

И сейчас эта сочная зелень раскинулась бескрайним пастбищем прямо поверх его свежей могилы.

Ведь на глазах у покойного мужа его безутешный вдовец самозабвенно зажимался с другим мужчиной.

Боль. Невыносимая боль предательства.

Лингуан мысленно взвыл от стыда и злости. Терпение лопнуло.

Когда Е Линь снова потянулся к нему, божество со всей дури влепило ему третью пощечину. Пользуясь тем, что Пожиратель окончательно растерялся, Лингуан рыбкой скользнул в полуоткрытую дверь, рванул ее на себя и с грохотом захлопнул прямо перед носом преследователя. Все произошло в единое мгновение.

На его запястьях багровели отчетливые следы от чужих пальцев. Одной рукой зажимая горящее лицо, он брезгливо стер с шеи чужую слюну напополам со своей кровью и, шумно выдохнув, заставил себя обернуться к древнему бронзовому фонарю.

Как оказалось, его надежды были преждевременными. Осколок души в фонаре призыва душ вовсе не восстанавливался и не притягивал другие частицы духа. Свет вспыхнул по гораздо более прозаичной причине.

Душа Ао Цина просто отреагировала на присутствие своего суженого. Инстинктивно, словно потревоженный мертвец в гробу.

Глядя на то, как зеленый огонек ластится к нему сквозь стекло, Лингуан невольно смягчился. Но стоило ему вспомнить о нахале за дверью, как брови его снова сошлись у переносицы.

— Настоящий бешеный пес! — вполголоса выругался он, потирая ноющие запястья.

— Ты ведь почувствовал, что меня обижают, да? — прошептал он с легкой обидой в голосе.

Лингуан напрочь забыл, что этот несчастный огонек оставался недвижимым целую тысячу лет. Он искренне верил, что Е Линь уже приложил руку к его исцелению. И это лишь укрепляло его веру в то, что Пожиратель — его единственный шанс вернуть мужа.

Тем временем за дверью Е Линь не сводил с нее тяжелого, мрачного взгляда.

Любые сверхпрочные сплавы этого технологичного мира для его разрушительной силы были не прочнее мокрого картона. Он занес ладонь, готовый разнести препятствие в щепки, но в последний момент замер. В его темных глазах клубилась пугающая, удушливая буря невысказанных желаний.

Система, чувствуя его состояние, подала голос тихим, вкрадчивым шепотом:

[Хозяин... Вы в порядке?]

Пожиратель промолчал.

Тогда ИИ сорвался на возмущенный писк:

[Этот местный дикарь совсем страх потерял! Вы — величайший владыка миров бездны, первый, кто сумел обвести вокруг пальца самого Главного Бога! То, что вы обратили на него внимание — величайшая милость, как он смеет брыкаться?!]

[Хозяин, ну нельзя же так его баловать! Плевать на этот мир, плевать на Звездного лорда Инхо! Активируйте карту вашего персонажа, заразите эту вселенную вирусом бездны! Подчиним себе весь этот чертов космос — и делайте с этой птичкой все, что душе угодно!]

Система распалялась все сильнее, уже вовсю смакуя картины межгалактического господства. И ведь доля истины в ее словах была: в родной вселенной Е Линь всегда был безупречным актером, воплощая в жизнь самые жуткие кошмары в качестве финального босса. Его могущество заставляло трепетать даже Главного Бога. При желании он давно мог бы занять его престол.

А теперь этот тиран бездны безропотно сносил побои от местного аборигена!

Но Е Линь пропустил кроважадные бредни ИИ мимо ушей.

Хотя, надо признать, мысли о насилии не были ему чужды.

Будучи властелином гибнущих миров, при своем обычном нраве он при первой же встрече просто сломал бы строптивую птицу. Запер бы в золотой клетке, подчинил своей воле, заставив остаться с ним навсегда — даже если бы в его объятиях Лингуан со временем превратился в бездыханный скелет.

Но маска персонажа глубоко проникала в его сознание, смешивая чувства Е Линя и Ао Цина в единый сплав. Дракон обожал буйный, яростный нрав своего суженого. Ему нравилось, когда его дерзкий феникс выпускал когти и плевался огнем. И Е Линь не смел ломать ему крылья.

Вместо этого он покорно застыл у порога — опасный зверь, притворившийся несчастным брошенным псом, преданно караулящим своего хозяина.

Стоило Лингуану снова приоткрыть дверь, как он тут же наткнулся на эту неподвижную фигуру. Вспыхнувший в его глазах алый огонь горел жарче любого пламени — божество все еще кипело от ярости за недавнее посягательство.

Однако, вспомнив о затеплившейся надежде в фонаре призыва душ, Лингуан сжал губы и холодно бросил, не выпуская из рук дверную ручку:

— Сделаем так. У меня есть три условия. Если согласен — можешь остаться.

Глаза Е Линя хищно блеснули.

— Во-первых, ты обязан ежедневно помогать мне своей силой. Во-вторых... — Лингуан выдержал паузу, — на ночь ты будешь уходить к себе.

— Нет... — выдавил Е Линь. Его голос, давно не знавший практики, прозвучал хрипло и неуклюже, но в нем слышалось непреклонное упрямство.

Он готов был заговорить впервые за долгое время, лишь бы не лишаться права спать рядом со своей птичкой. В вопросах собственной выгоды этот монстр был предельно серьезен.

— Тогда и днем ко мне не подходи, — отрезал Лингуан. Церемониться он не собирался. Не будь Пожиратель единственной ниточкой, ведущей к спасению мужа, Лингуан и на пушечный выстрел его не подпустил бы. Вспыльчивый характер Владыки Юга знали все три мира.

Ответ Е Линю явно не понравился. Он сделал шаг вперед, и в его темном взгляде вновь проснулся первобытный, пугающий голод.

Лингуан инстинктивно качнулся назад, но тут же переборол себя и гордо расправил плечи, хотя под прицелом этих безумных, налитых багрянцем глаз его ресницы предательски дрогнули.

«Только посмей дернуться, — в ярости подумал он, — и я лично развею твой прах по космосу!»

Однако, вопреки ожиданиям, Е Линь сдержался.

Он убрал руки за спину, демонстрируя полную покорность, но при этом склонился к самому лицу Лингуана, легонько задев губами его пылающую мочку уха. И тихо, вкрадчиво выдохнул:

— Гав.

Система ворчала про дрессировку, сам Лингуан величал его псом... Что ж, пес так пес.

Е Линь опустил взгляд на покрасневшее ушко божества. Маленькое, аккуратное, оно сейчас напоминало каплю спелой вишни, сияющую в полумраке.

Пожиратель заметил крошечный прокол для серьги. Мочка была изящной и мягкой; если бы в ней покачивался изумрудный камень, украшенный алым пером феникса, это выглядело бы неописуемо прекрасно.

В этот момент Е Линь отчетливо понял, какой подарок преподнесет своему сокровищу.

А пока свирепый зверь, никогда не знавший любви, лишь ласково терся носом о шелковистую кожу, укрощая свое свирепое естество. Он пытался угодить Лингуану так, как подсказывал ему его скудный, затуманенный разум.

В первый раз Лингуан не успел ничего сообразить от растерянности, но теперь, взглянув на мужчину в упор, он замер. Из этих черных омутов исчезла пугающая жажда насилия — вся темная, удушающая страсть ушла глубоко на дно.

Безумный свирепый зверь, готовый разорвать миры на части, послушно прятал клыки и притворялся ласковым щенком, лишь бы ему позволили остаться рядом. Он неумело подражал слабым существам, которых сам же презирал, надеясь заслужить ласку хозяина.

Лингуан не замечал, что по мере того, как Е Линь придвигался ближе к порогу, пламя в фонаре призыва душ разгоралось все ярче и неистовее — словно блуждающий осколок вот-вот вырвется на волю, чтобы слиться со своим настоящим телом.

Божество лишь смутно, с затаенной тревогой осознавало: эти бездонные глаза с самой первой секунды смотрели на него совершенно одинаково. Тихо, неотрывно и безумно преданно.